

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2324](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324)

А. А. Ипатова, О. Б. Солодовникова

ОПРОС ПОДРОСТКОВ: ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Правильная ссылка на статью:

Ипатова А. А., Солодовникова О. Б. Опрос подростков: этические вопросы и правовое регулирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 3—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324>.

For citation:

Ipatova A. A., Solodovnikova O. B. (2023) Surveying Adolescents: Ethical Issues and Regulatory Requirements. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2324>. (In Russ.)

Получено: 16.10.2022. Принято к публикации: 17.11.2022.

ОПРОС ПОДРОСТКОВ: ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

ИПАТОВА Анна Алексеевна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: ipatova_anna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1425-3434>*

СОЛОДОВНИКОВА Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: solodovnikova-ob@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6032-6673>*

Аннотация. За последние 30 лет количество исследований с вовлечением детей и подростков в качестве участников стремительно увеличивается. Прежде всего это связано с возросшим вниманием к защите прав детей, что в свою очередь требует различных форм мониторинга и анализа детского благополучия (в том числе и статистических данных) не только с перспективы взрослых, но и с перспективы самих детей. Сегодня общемировой тенденцией является включение «голоса» детей и подростков в социальную политику государства, в национальные или международные индексы и рейтинги. Зачастую это делается при помощи опроса, и такие опросы регулируются разными государственными правовыми норма-

SURVEYING ADOLESCENTS: ETHICAL ISSUES AND REGULATORY REQUIREMENTS

Anna A. IPATOVA¹ — Cand. Sci. (Cult.), Senior Research Fellow, Center for Field Research, Institute for Social Analysis and Forecasting

*E-MAIL: ipatova_anna@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1425-3434>*

Olga B. SOLODOVNIKOVA¹ — Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Center for Field Research, Institute for Social Analysis and Forecasting

*E-MAIL: solodovnikova-ob@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6032-6673>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. Over the past 30 years, the number of studies involving children and adolescents as participants has increased rapidly. It can mostly be explained by the increased attention to the protection of children's rights, which in turn requires various forms of monitoring and analysis of children's well-being (including statistical data) not only from the perspective of adults, but also from the perspective of the children themselves. Today, the global trend is the inclusion of the children's voices in the social policy of the state and in national or international indices and ratings. This is often done through a survey, and such surveys are governed by various national regulations, as well as more universal codes of ethics and protocols.

ми, а также более универсальными этическими кодексами и протоколами.

В статье анализируются российские особенности правового регулирования участия подростков в опросах, определяемые во многом как поиск компромисса между правом ребенка быть услышанным и защитой его интересов с одной стороны и невмешательством в частную жизнь семьи — с другой. Также авторы подробно рассматривают четыре этические проблемы, с которыми исследователи сталкиваются при проведении опросов среди подростков. Первая из них — возраст самостоятельного принятия решения об участии в исследовании, и эта проблема помещена в более широкий контекст принципа информированного согласия на участие в социологическом исследовании. Вторая проблема — это вопрос о безопасности подростка и отсутствии прямого или косвенного вреда. Третья проблема связана с выбором метода опроса. Наконец, четвертая проблема связана с пользой участия в опросе для подростка и фокусом на позитивные изменения.

Ключевые слова: опрос подростков, исследование с вовлечением детей, анкетирование детей, опрос уязвимой группы, этика социального исследования, правовое регулирование, исследование детства, социология детства, информированное согласие

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

The article regards the Russian features of the legal regulation of adolescents' participation in surveys. These features are largely defined as a search for a compromise between the child's right to be heard and the protection of his/her interests, on the one hand, and non-interference in the private life of the family, on the other. The authors also examine in detail four ethical issues that researchers face when conducting surveys among adolescents. The first of these is the age of independent decision-making about participating in research, and this problem is placed in the broader context of the principle of informed consent to participate in sociological research. The second issue is the matter of the adolescent's safety and the absence of direct or indirect harm. The third issue is related to the choice of the survey method. Finally, the fourth issue relates to the benefits of participating in the survey for the adolescent and the focus on positive change.

Keywords: teen survey, research involving children, questioning children, vulnerable group survey, ethics of social research, legal regulation, childhood studies, sociology of childhood, informed consent

Acknowledgments. The article was prepared in accordance with the state assignment for the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Сегодня нам кажется очевидным, что детство — классический объект исследования в социальных науках, наличие у детей статуса самостоятельных участников общественной и культурной жизни, существование отдельных «детских» прав не подвергается сомнению. Однако такому восприятию всего чуть более трех десятков лет. До этого дети считались «неразумными» и неполноправными членами общества и игнорировались как значимые и компетентные участники социальной жизни [Митрофанова, 2017: 161]. Детство оставалось за пределами внимания социальных наук вплоть до XX века [Бардина, 2019: 26], еще в середине которого функционалистский подход диктовал социологам свою логику, постулировав, что ребенок до достижения им зрелости подобен накопительному счету в сберегательном банке и полноценно функционировать может только по завершении процессов социализации [Davis, 1940: 217]. Вместе с тем в общественном сознании происходила переоценка значимости детства: число детей в семьях резко сократилось, их рабочая и экономическая нагрузка значительно снизилась, что привело к появлению «современного ребенка», «одновременно экономически бесполезного и эмоционально бесценного» [Никитина-ден Бестен, 2009: 8]. Пика эти процессы достигли ближе к концу 1970-х годов. Так, 1979 г. был объявлен ООН Международным годом ребенка, а дискуссия о проблемах детства и положении детей в современном мире приобрела более научный характер (см., например, [Alanen, 1988; Ovortrup, 1995; Ben-Arieh, 2006]). Можно говорить, что с 1980-х годов изучение детства и детей вышло в социальных науках с периферии на передовую, а критика подхода, согласно которому ребенок — это «еще не сформированный взрослый», стала мейнстримом (см., например, [Uprichard, 2008]).

Фиксируется изменение отношения к детям на государственном и международном уровнях — в 1989 г. ООН принимает Конвенцию о правах ребенка, определившую базовые и универсальные права, которые должны сохраняться за каждым ребенком. Согласно этому документу, государства-участники должны обеспечить детям, способным сформулировать свои собственные взгляды, право «свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка»¹. Происходит и «переопределение ребенка как социального актора» [Митрофанова, 2017: 161]. Уже в 1990 г. Эллисон Джеймс и Алан Праут формулируют новую парадигму социологии детства, исходя из которой детство и детские социальные отношения могут выступать в качестве отдельного и самостоятельного объекта для изучения, поскольку дети «активно включены в конструирование своих собственных социальных жизней, жизней тех, кто их окружает, и обществ, в которых они живут» [James, Prout, 1997: 4]. В рамках такой парадигмы дети обретают агентность и могут быть изучены «через» самих себя, то есть сами могут создавать социологические данные напрямую, без посредника в виде взрослых. Провозглашенная «новая социология детства» повлекла за собой значительное количество исследований детства и его связей с окружающей средой, культурой, классом, а также разработку методов, ставящих «детей во главу угла» и превращающих их в «равноправных участников исследовательского процесса» [Никитина-ден Бестен, 2009: 20].

¹ Конвенция о правах ребенка // ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.02.2023).

В результате появилась потребность в различных формах мониторинга, анализа состояния детей и детства в странах по всему миру именно с детского ракурса, а не исходя из статистических данных о темпах вакцинации, младенческой смертности и пр. Первой из такого рода инициатив стал международный лонгитюдный проект Всемирной организации здравоохранения «Health Behaviour in School-Aged Children» (HBSC), стартовавший в 1982 г. и продолжающийся до сих пор². В рамках этого исследования раз в четыре года проводится опрос обучающихся в школе подростков³ в возрасте 11, 13 и 15 лет на тему их поведения в отношении собственного здоровья⁴. Другая широко известная инициатива — Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA), разработанная в конце 1990-х годов. Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD). В рамках программы раз в три года проводится тест-опрос пятнадцатилетних школьников⁵. Данные этих обследований вошли в основу Многонационального проекта по мониторингу и измерению благополучия детей (Multi-National Project for Monitoring and Measuring Children's Wellbeing), стартовавшего в Чикагском университете в 1996 г. Этот проект первым из известных нам собрал национальных экспертов по вопросам детства из большого числа разных стран. Именно тогда впервые была сформулирована цель выработать для разных стран общие сопоставимые индикаторы детского благополучия [Statham, Chase, 2010: 7], что привело к идее создания сводного индекса детского благополучия. Это направление активно развивалось, и с 2010-х годов такие индексы реализуются на национальном и международном уровнях⁶. Поскольку запрос на «голоса детей» к этому времени уже сформировался, многие из такого рода исследований проводятся «не о детях, а с детьми», на основе их субъективных представлений о собственном благополучии, и используют опросы подростков, например, британский Индекс субъективного благополучия детей [Rees, Goswami, Bradshaw, 2010] (опрос детей и подростков в возрасте 8—15 лет), ирландский проект «Развитие национальной системы индикаторов детского благополучия» [Hanafin, Brooks, 2005] (опрос подростков 12—18 лет), а также международное исследование «Детский мир» [Thorne, 2002] (опрос детей и подростков в возрасте 8—12 лет).

² Health Behaviour in School-Aged Children Study. URL: <https://hbsc.org/> (дата обращения: 10.02.2023).

³ Здесь и далее по тексту, согласно терминологии Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA), «подростками» мы будем называть лиц в возрасте от 10 до 19 лет.

⁴ Инструментарий исследования затрагивает самый широкий спектр тем детского благополучия в целом, от пищевого поведения до восприятия своего тела и социального окружения. Включает в себя около 80 вопросов, которые распределены по 12 доменам. Россия принимает участие в исследовании с 1990 г., ответственным за реализацию является ФГБУ «Санкт-Петербургский научный институт физической культуры». Подробнее см.: Научно-исследовательская группа Российской Федерации по Международному проекту HBSC. URL: <https://hbsc-ru.com> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Изначально опросник был узкотематическим: подростку предлагалось решить ряд задач из разных предметных областей. В 2015 г. PISA впервые предложила участникам проекта после завершения детьми экзаменационной части обследования заполнять общий опросник, посвященный материальному положению семьи и социальным отношениям ребенка, а также опросник по субъективному благополучию. Россия принимала участие во всех волнах обследования, начиная с первой волны 2000 г. Национальным координатором проекта является ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования».

⁶ В качестве примеров можно привести Kidscreen-52 (в 2005 г.), UNICEF Report on Child Poverty and Child Wellbeing (в 2007 г.), Child and Youth Wellbeing Index (в США, 2007 г.), Index of Child Wellbeing in Europe (в 2009 г.), The Good Childhood Index (в Великобритании, 2010 г.), End of Childhood Index (в 2017 г.), Child and Youth Wellbeing Strategy (в Новой Зеландии, 2018 г.) и т. д.

Вместе с тем в СССР уже в 1960—1970-х годах, после длительного периода забвения в 1930—1950-х, активно развивалась профориентационная работа в школах, что способствовало обращению взрослых к миру подростков, прежде всего старшеклассников. Советский педагог Александр Голомшток в 1968 г. предложил оригинальную методику «Карта интересов», основанную на анкетировании детей и подростков и позволяющую исследовать характер профессиональных интересов респондентов [Профориентационная работа..., 1968]. Методика выдержала несколько редакций и последующих модификаций и лежит в основе многих современных профориентационных тестов [Рогов, 2019]. Важно отметить, что прикладные профориентационные исследования, развивавшиеся в «психотехнической» области (по названию I Всесоюзного психотехнического съезда 1931 г., где была поставлена задача профориентации в СССР), постепенно выходили на более широкую проблематику — равных возможностей детей к получению образования, самореализации и соблюдению своих прав.

В данной связи важно упомянуть лонгитюдное исследование социальных проблем молодежи, первая опросная волна которого прошла еще в 1962 г. под руководством Владимира Шубкина [Шубкин, Чередниченко, 1994], а проведением и анализом последних волн в 1990-е годы занимался уже Институт социологии РАН и лично Давид Константиновский [Константиновский, 2000]. Эмпирическая база исследования представляла собой сложный набор данных: как объективных статистических показателей, касающихся регионального уровня жизни (на начальном этапе проекта изучались школьники Новосибирской области, позже были добавлены выборки из Москвы и Краснодарского края), конкурсного приема в вузы и т. д., так и наблюдений за самими подростками. Последние участвовали в анкетировании накануне окончания школы, отвечая на вопросы не только о своем отношении к различным профессиям, но и о личных планах и перспективах — сюжетах, которые в современном социологическом тезаурусе тесно связываются с проблемами самореализации. Через полгода после такого анкетирования исследователи собирали информацию о том, как образовательные и жизненные траектории опрошенных сложились в реальности, и на основе сопоставления желаемого респондентами образа будущего и действительно случившегося с ними делали замечательные выводы о наличии социального неравенства даже в послевоенном СССР [Константиновский, 2008]. Дизайн указанного исследования предписывал социологам общение с 17-летними подростками, реализацию жизненных планов которых легко проследить. Однако практика проведения профориентационных опросов показала, что с анкетами справляются уже 10—11-летние подростки. В частности, современные исследования Центра социологии образования Института управления образования Российской академии образования включают в свою выборку пятиклассников наравне с одиннадцатиклассниками, причем и те и другие отвечают на вопросы о планах после окончания школы, о сферах профессиональной деятельности, с которыми хотели бы связать свою будущую жизнь и т. д. [Адамчук, 2017: 116].

Итак, на сегодняшний день детство уже стало отдельным, самостоятельным объектом изучения, и в современной исследовательской практике для измерения детского благополучия нормой является допускать агентность детей (по край-

ней мере, на ее базовом уровне — как информантов о собственном состоянии). Тем не менее исследования с вовлечением детей в качестве участников сталкиваются с рядом проблем, которые можно рассматривать в техническом, этическом и юридическом аспектах⁷. Прежде всего это связано с тем, что у исследователей отсутствует свободный доступ к детям, по праву считающимися уязвимой группой. Такие исследования регламентируются рядом профессиональных этических кодексов, а также законодательными нормами. Рассмотрим их подробнее.

Правовое регулирование

Особенности правового регулирования участия детей и подростков в опросах определяются поиском компромисса между правом ребенка быть услышанным, с одной стороны, и правом родителей или ответственных взрослых руководить ребенком, защищать его интересы и т. д. — с другой. Скажем, ст. 12 Конвенции о правах ребенка ООН гласит, что ребенок имеет право высказывать свое мнение в случаях, когда взрослые принимают затрагивающее его интересы решение. При этом ст. 5 подчеркивает, что государствам следует уважать право и обязанность семьи «управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных <...> прав»⁸.

Согласно ст. 64 Семейного кодекса РФ, «родители являются законными представителями своих детей»⁹. Соответственно, на участие ребенка в опросе требуется их согласие (или согласие иных законных представителей). Полезным дополнением к этому могут являться нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ. В частности, ст. 280 УПК РФ предписывает проводить допрос потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16 лет, с обязательным участием его законного представителя и, кроме того, устанавливает определенные временные границы для его проведения: не более часа с обязательным перерывом после 30 минут для ребенка моложе 7 лет и не более двух часов с обязательным перерывом после первого часа для ребенка или подростка 7—14 лет. В школах допрос может проводиться без присутствия родителей, но с условием их обязательного оповещения¹⁰. Ст. 25.6 КоАП РФ требует обязательного присутствия педагога или психолога при опросе несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста 14 лет¹¹. Важный прецедент создает и ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»¹², так

⁷ Есть еще эпистемологический аспект — как уйти от взрослых репрезентаций и интерпретаций при исследовании мира детей (см. подробнее [Форум, 2019: 25—26]), — но она выходит за рамки данной статьи.

⁸ Конвенция о правах ребенка // ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.02.2023).

⁹ Статья 64. Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей. Семейный кодекс (СК РФ) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/10105807/8e5cab37391b571c12c39a49736d35f9/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ Статья 280. Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12125178/ec9561bc1cc4447b1920d624bcd5435/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ Статья 25.6. Свидетель. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12125267/f86de0dd957b7cb08bc16295d5595a7a/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹² Статья 54. Права несовершеннолетних в сфере охраны здоровья. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/12191967/ff9fa08d419e8a3992b637ce02f95752/> (дата обращения: 10.02.2023).

как предусматривает, что несовершеннолетние старше 14 лет сами должны давать согласие на медицинское вмешательство (или отказываться от него), а также могут самостоятельно посещать врача без согласия родителей.

Кроме того, по достижении возраста в 14 лет каждый гражданин Российской Федерации получает паспорт. С этого возраста права подростка расширяются: по закону он уже может совершать мелкие бытовые сделки, быть нанятым на работу¹³, открывать вклады в банке, распоряжаться своим заработком без согласия родителей, в качестве правообладателя заниматься творческой и интеллектуальной деятельностью, самостоятельно обращаться в суд для защиты своих прав и нести уголовную ответственность. Как видим, возрастом самостоятельного принятия решений и ответственности за свои слова с точки зрения законодателя является отрезок 14—16 лет, причем его границы оказываются подвижными в разных правовых актах.

Серьезные ограничения на работу социологов накладывают и некоторые нормативные документы, принимаемые отдельными министерствами и ведомствами. Скажем, положение закона «Об образовании», согласно которому руководство учебного учреждения обязано обеспечивать безопасность учеников во время пребывания в школе, позволяет школам самостоятельно вводить системы пропусков, регулировать контрольно-пропускной режим и т. д.¹⁴ На практике большинство пропускных режимов, действующих в российских школах и досуговых учреждениях, делают невозможным проход социологов в соответствующую организацию без прямого разрешения от профильного руководства.

Этическое регулирование

Что касается этических норм и кодексов, то в России разработанные документы такого рода (например, Моральный кодекс социолога ИСПИ РАН¹⁵) не содержат специальных уточнений, касающихся опросов несовершеннолетних. Профильные научные статьи (см., например, [Детство XXI века..., 2018]) отсылают к действующим зарубежным стандартам, среди которых лидирующее место занимают рекомендации Европейской ассоциации исследователей рынка (ESOMAR) и ресурса «Этические исследования с участием детей» (ERIC Compendium), поддерживаемого совместными усилиями Детского фонда ООН и ряда других организаций [ESOMAR/GRBN Guideline..., 2018; Powell et al., 2013]. Заметим, что в отдельных пунктах эти рекомендации могут отличаться от норм, почерпнутых из российского законодательства.

¹³ Для выполнения легкого труда до 16 лет необходимо согласие родителей.

¹⁴ Письмо Минобрнауки России от 11 декабря 2015 г. № 08-ПГ-МОН-42989 «О рассмотрении обращения» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203501/ (дата обращения: 10.02.2023); Письмо Минобрнауки России от 30 августа 2005 г. № 03-1572 «Об обеспечении безопасности в образовательных учреждениях» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901963281> (дата обращения: 10.02.2023); Письмо Минобрнауки РФ от 4 июня 2008 г. № 03—1423 «О методических рекомендациях по участию в создании единой системы обеспечения безопасности образовательных учреждений Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902117689> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁵ См. подробнее: Моральный кодекс социолога // Институт социально-политических исследований РАН. URL: <https://socioline.ru/kodeks> (дата обращения: 10.02.2023).

Можно выделить несколько базовых этических проблем, возникающих при проведении исследований с подростками. Первая из них — ответ на вопрос, с какого именно возраста несовершеннолетний человек может самостоятельно принимать решение об участии в опросах. Ожидаемо, что профессиональные ассоциации руководствуются в этом случае правовыми актами. Общий подход ESOMAR требует обязательного оповещения ответственного взрослого об особенностях проведения опроса, а также присутствия «неподалеку», в зоне возможной досягаемости для ребенка [ESOMAR/GRBN Guideline..., 2018: 11], при этом возрастные ограничения определяются внутренним законодательством страны [ESOMAR Guideline..., 2011: 7]. При проведении исследования в интернете до приглашения ребенка к участию необходимо приложить все разумные усилия для получения согласия ответственного взрослого, если сам ребенок по законам страны не может принимать такие решения самостоятельно. В «Рекомендациях по проведению исследований и анализу данных с детьми, молодежью и другими уязвимыми группами» подчеркивается, что «ребенком» стоит считать человека 12 и менее лет, а подростком — 13—17 лет, соответственно, с этого возраста согласие родителей не требуется [ESOMAR/GRBN Guideline..., 2018: 9]. Светлана Майорова-Щеглова и Елена Колосова отмечают, что после 14 лет согласие на анкетирование или сбор других данных может давать сам подросток, тогда как более молодые респонденты должны участвовать в опросе только при согласии родителей или законных представителей [Майорова-Щеглова, Колосова, 2018: 66].

Вопрос о возрасте самостоятельного принятия решения несовершеннолетним респондентом об участии в опросе относится к более широкому спектру общих этических вопросов социологических исследований. По сути, это то, что принято называть «информированным согласием» — категорией, пришедшей в опросный мир из медицины. Добровольное и информированное согласие — обязательное условие при проведении любых исследований с участием человека, согласно Хельсинкской декларации предполагающее, что участник должным образом информирован о «методах, источниках финансирования, любых возможных конфликтах интересов, принадлежности исследователя к учреждению, ожидаемой пользе, потенциальных рисках исследования и неудобствах, которые могут возникнуть при участии в исследовании, а также о любых других релевантных аспектах исследования»¹⁶. Процедура согласия, по мнению авторов Бельмонтского отчета, должна быть основана на трех элементах: информации, понимании и добровольности [Belmont Report..., 1978: 10]. Соответственно, для соблюдения этих принципов (причем не только при опросе подростков) необходима уверенность, что респондент не только получил всю необходимую информацию, но и понял ее, и только тогда его согласие является информированным.

Вопрос о том, какой именно возраст является возрастом понимания особенностей участия в исследовании, не имеет однозначного ответа, и, очевидно, требует отдельной проработки исследовательским сообществом. Пока можно заключить, что в исследовательской практике чаще всего считается, что респондент в воз-

¹⁶ Декларация Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне (извлечение). 10 июля 1992 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900016> (дата обращения: 10.02.2023).

расте 14—15 лет уже является достаточно зрелым, чтобы самостоятельно принимать решение об участии в исследовании, а значит исследователи могут с ним взаимодействовать напрямую без соучастия ответственного взрослого. В таком случае информированное согласие конструируется по аналогии с опросом взрослых, и эти блоки информации могут быть включены в саму анкету, где респондент фиксирует свое согласие. В случае, если респондент не достиг возраста 14—15 лет, конструирование информированного согласия происходит в несколько этапов (например, сначала между исследователем и взрослым, затем между взрослым и ребенком, и наконец между исследователем и ребенком) и с вовлечением взрослого. Кроме того, в таких случаях одним из требований может выступать документальная фиксация процедуры — заполнение взрослыми формы информированного согласия по аналогии с медицинской, хотя официально, опять же, эти требования для социологических исследований нигде не прописаны. Важно также отметить, что взаимодействие с подростками в присутствии взрослых имеет свои отдельные сложности. В частности, Даша Шамрова в обзоре этических вопросов проведения оценки с участием детей подчеркивает, что вовлечение большого количества взрослых может привести к «конфликту интересов» и негативно скажется на результатах исследования [Шамрова, 2016: 6].

Вторая этическая проблема может быть сформулирована следующим образом: *как сделать участие подростка в исследовании безопасным*. Потенциальные риски различны: это и вопрос конфиденциальности и защиты персональных данных (если таковые собираются); это риск прямого или опосредованного физического или психологического вреда вплоть до стресса, потери уверенности в себе [Powell et al., 2013: 31]; это и работа с сенситивной или незнакомой ранее информацией. Необходимо задумываться и об отдаленных последствиях участия ребенка в исследовании: какие решения могут быть приняты по его результатам, как они могут повлиять на благополучие ребенка и его жизнь в целом. Базовый этический принцип «не навреди» в исследованиях с детьми возлагает на исследователей еще большую ответственность, поскольку дети являются уязвимой группой. Общепризнанная позиция всех этических кодексов и рекомендаций состоит в следующем: если безопасность ребенка не может быть обеспечена в рамках исследования, то такое исследование проводить не стоит [Schenk, Williamson, 2005: 32].

Вопрос конфиденциальности и защиты персональных данных при опросе подростков, на наш взгляд, должен разрешаться, как и в опросе взрослых, схожим образом. Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁷, организация, собирающая или обрабатывающая персональные данные, выступает в качестве оператора персональных данных и должна применять ряд организационных и технических мер. Последние четко прописаны. Если же в ходе опроса персональные данные не собираются, то задача исследователя — обеспечить и открыто артикулировать анонимность участия, отдельно сделав акцент на том, что персональные данные не собираются, а все результаты исследования будут анализироваться в обобщенном виде.

¹⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901990046> (дата обращения: 10.02.2023).

Особое внимание при рассмотрении вопроса о безопасности участия подростков необходимо уделить тематике исследования и инструментарию. Помимо сенситивных, анкета может содержать вопросы, потенциально вызывающие тревожность и настороженность, или же вопросы, в которых есть неизвестная или непонятная для подростка информация, способная ввести его в заблуждение и/или натолкнуть на рискованное поведение. Большая часть рекомендаций сводится к тому, что такого рода вопросов лучше избегать, а сам инструментарий для исследования, помимо тестирования, должен пройти этап обсуждения с подростками и взрослыми, а также получить одобрение экспертов в сфере детства [Schenk, Williamson, 2005: 20]. При этом существуют исследования, посвященные работе над сенситивными темами с детьми и подростками (см., например, [Noble-Carr, 2006]), или же в которых участвуют находящиеся в трудной жизненной ситуации несовершеннолетние. Для таких исследований оценка возможного вреда и пользы для участников требует более детальной и взвешенной проработки с использованием предоценочных инструментов [Шамрова, 2016: 5] и вовлечением этических комитетов и организаций социальной защиты [Involving Children..., 2008: 158], а также разработки этического протокола исследования, содержащего алгоритмы для поведения исследователей в разных ситуациях. При разработке такого протокола целесообразно предусмотреть участие специалистов государственных структур и НКО исследуемого региона, знающих местную инфраструктуру [Одинокова, 2018: 435].

Еще один важный вопрос безопасности — четкое формулирование правил безопасного участия. Подросток должен осознавать, что он может поменять свое мнение или прервать свое участие в исследовании в любое время без каких-либо негативных последствий [Schenk, Williamson, 2005: 191; Participatory Monitoring..., 2012: 11]. Некоторые исследователи в правилах проведения опроса отдельно оговаривают, что респонденты могут не отвечать на те вопросы, которые им не нравятся (например, в уже упомянутом ранее проекте HBSC).

Третья этическая проблема — это *выбор метода исследования и решение о наличии посредника для опроса*. Конечно, решение этого вопроса напрямую зависит от возраста ребенка. Ряд исследований с подростками младше 14 лет проходит с ассистированием либо со стороны психологической службы (например, исследование «Детский мир», где опрос детей и подростков в возрасте 10 и 12 лет проводит школьный психолог [Брук, Игнатжева, 2021]), либо со стороны специально подготовленного члена исследовательской команды (например, уже упомянутый ранее ирландский проект о развитии национальной системы индикаторов детского благополучия [Hanafin, Brooks, 2005]). Присутствие посредника в виде взрослого актуализирует проблему дистанции власти, по умолчанию присутствующую в отношениях взрослых и детей. Эту проблему невозможно полностью устранить, но нужно в той или иной мере минимизировать, а потому необходимо избегать манипуляций со стороны взрослых [Powell et al., 2013: 77]. Дети и подростки особенно чувствительны к манипуляциям и одобрению поведения, и это может приводить к отказу от взаимодействия или от участия в целом [Participatory Monitoring..., 2012: 11]. Кроме того, из-за дистанции власти подросток может войти в привычную роль ученика и пытаться угодить взрослому сво-

ими ответами, вести себя лучшим или ожидаемым от него образом, что также необходимо учитывать. Эта проблема осложняется еще и тем обстоятельством, что у подростков не всегда существует опыт взаимодействия со взрослыми на равных, и иерархия взаимоотношений «взрослый — ребенок» сложно преодолевается [Involving Children..., 2008: 22].

Описанные выше ограничения свойственны, в первую очередь, для методов межличностного непосредственного взаимодействия (например, для фокус-группового исследования, анкетирования или интервью). Отдельным сюжетом является онлайн-опрос, где взаимодействие происходит напрямую с компьютером или телефоном/планшетом. Современные дети в развитых странах достаточно компетентны и обладают компьютерной грамотностью, имеют опыт онлайн-обучения и взаимодействия в социальных сетях, и метод онлайн-опроса в этом смысле становится реальным инструментом, позволяющим исключить влияние взрослого-посредника. Особенно перспективным представляется метод онлайн-опроса для подростков, достигших возраста самостоятельного принятия решений. При этом нужно понимать, что любой метод, сколь бы современным или многообещающим он ни был, сам по себе не гарантирует требуемого результата: нет какого-то одного вида опроса, который подходил бы лучше всего для подростков. Гораздо важнее продумывать методологию и дизайн исследования [Involving Children..., 2008: 23].

Наконец, четвертая этическая проблема, которую мы рассмотрим в рамках этой статьи, это вопрос о том, *как сделать опыт участия подростка в исследовании положительным и полезным*. Этот этический вопрос связан не просто с отсутствием прямого или косвенного вреда, а с выгодой, которую подросток получит от участия. Выгода понимается в самом широком смысле: это и ощущение собственного вклада во что-то значительное, и признание важности такого вклада, и позитивные изменения, которые могут произойти, и денежное или иное вознаграждение, а также ощущение того, что мнение ребенка небезразлично. Общее место в существующих описаниях этических норм для исследований с детьми и подростками — любое участие несовершеннолетнего в том или ином исследовании должно работать на его благополучие [Шамрова, 2016: 1]. При этом фокус на позитивные изменения не должен создавать завышенных ожиданий быстрых или значительных перемен. Эти вопросы необходимо четко проговаривать с подростками, объяснять им ограничения исследования, его цели и задачи, область применения, чтобы подросток не разочаровался и не потерял веру в собственные возможности что-то изменить [Listen and Learn..., 2012: 16]. Для респондентов из уязвимых категорий дополнительной мотивацией является то, что исследование может помочь им получить защиту, преодолеть страх, повысить уверенность в себе, развить навыки анализа информации и критического мышления, проработать травматичный опыт, особенно если исследователи перед собой ставят такие задачи [Laws, Mann, 2004: 10—11]. Кроме того, сам факт участия подростков в исследовании делает их видимыми.

Ашер Бен-Арье, проанализировав несколько исследований, посвященных мнению самих детей и подростков и их позиции в отношении исследований, пришел к выводу, что у данной группы респондентов существует несколько типов мотива-

ции к участию. Во-первых, дети и подростки хотят, чтобы их спрашивали и интересовались их мнением о тех вещах, которые им действительно важны. Во-вторых, то, что кажется взрослым интересным и важным, не всегда воспринимается таким же детьми и подростками, потому активного участия последних можно добиться, если прислушиваться к ним, а не просто просить их выполнить поставленные задачи. В-третьих, дети и подростки хотят быть вовлечены во что-то стоящее и ценное лично для них — например, в исследования, изучающие существенные проблемы или направленные на изменения. В-четвертых, дети и подростки верят, что они могут внести свой личный вклад в результаты исследования, и чем выше оценка этого вклада, тем выше их мотивация к участию [Ben-Arieh, 2005: 590—591].

Вопрос о вознаграждении за участие также часто рассматривается в практических рекомендациях. Всего выделяют четыре вида оплат участия в опросах: возмещающие (когда возвращаются понесенные участниками исследования затраты, например, проезд, питание, проживание и т. д.), компенсационные (когда ввиду участия компенсируется потеря времени, дохода и т. д.), благодарственные (символическое вознаграждение за участие, при этом участники могут о нем и не знать заранее) и поощрительные (денежные выплаты или их альтернатива в виде разного рода ваучеров) [Powell et al., 2013: 88—89]. Все виды вознаграждений могут использоваться на этапе рекрута участников как убеждающий фактор, что влечет за собой очевидные риски в виде махинаций, принуждения к участию со стороны взрослых (например, родителя) или давления на подростка. В целом необходимо понимать, что любые финансовые связи в исследовательском процессе меняют характер взаимоотношений между участниками.

Конечно, перечисленные выше этические проблемы не могут исчерпывающе описать весь круг задач и сложностей, который возникает перед исследователями, решающими провести опрос среди подростков. Кроме того, эти проблемы взаимосвязаны, и решение одной из них тем или иным образом накладывает определенные ограничения при выборе решений в других. И все же самый главный вопрос, который исследователи должны задавать себе до начала работы с этими этическими проблемами, заключается в том, а стоит ли вообще привлекать подростков к участию.

Вместо заключения

За последние 30 лет количество исследований с вовлечением детей и подростков в качестве участников растет повсеместно, и Россия не является исключением. Международная практика показывает, что опросы детей и подростков, при всех ограничениях и сложностях их проведения, позволяют включить «голос ребенка» в национальные индексы и рейтинги благополучия, дополнив таким образом статистические данные, которые собираются взрослыми с опорой на свою «взрослую» оптику. Опросы детей и подростков регламентируются разными государственными правовыми нормами, а также более универсальными этическими кодексами и протоколами.

В России на сегодняшний день не существует общепринятого подхода к исследованиям детства в целом, нет собственных этических стандартов, требований и однозначных юридических норм [Одинокова, 2018: 436], которые можно было бы на-

прямую применить к опросу подростков. Те исследовательские команды, которые проводят социологические опросы подростков и детей, чаще всего ориентируются на международные протоколы, такие как ESOMAR, ERIC Compendium и др., и общие кодексы профессиональной этики социолога. При этом открытое обсуждение особенностей организации такого рода исследований практически не проводится, что во многом связано со страхом неверной трактовки не всегда однозначных юридических норм. Все это делает вопросы правового и этического регулирования опроса подростков особенно актуальными и требующими более пристального внимания со стороны профессионального исследовательского сообщества.

Список литературы (References)

Адамчук Д. В. Профессиональные и образовательные планы современных школьников // Человек и образование. 2017. № 4. С. 116—126. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2017-4_pp116-126.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Adamchuk D. V. (2017) Professional and Educational Plans of Modern Schoolchildren. *Man and Education*. No. 4. P. 116—126. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2017-4_pp116-126.pdf (accessed: 15.02.2023). (In Russ.)

Бардина С. М. «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблема современной социологии детства // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 14—29. <http://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-14-29>.

Bardina S. M. (2019) “Children, Fools, and Madmen”: Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood. *Sociology of Power*. Vol. 31. No. 1. P. 14—29. <http://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-14-29>. (In Russ.)

Брук Ж. Ю., Игнатжева С. В. Субъективное благополучие детей 10-и и 12-и лет в пространстве удовлетворенности семьей, школой и друзьями // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 6. С. 164—175. <http://doi.org/10.17759/pse.2021260613>.

Bruk Z. Y., Ignatjeva S. V. (2021) Subjective Well-Being among Children Aged of 10- And 12-Year-Old Children in in the Space of Satisfaction Withwith Family, School and Friends. *Psychological Science and Education*. Vol. 26. No. 6. P. 164—175. <http://doi.org/10.17759/pse.2021260613>. (In Russ.)

Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Издательство Российского общества социологов, 2018.

Mayorova-Shcheglova S. N. (ed.) (2018) *Childhood of the XXI Century: Socio-Humanitarian Thesaurus*. Moscow: Publishing House of the Russian Society of Sociologists. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М.: Центр социологии образования Российской академии образования, 2000.

Konstantinovskiy D. L. (2000) *The Youth of '90s: Self-Determination in a New Reality*. Moscow: Centre for Sociology of Education of the Russian Academy of Education. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008.

Konstantinovskiy D. L. (2008) Inequality and Education. Attempt of Sociological Research on the Life Starts of the Russian Youth (1960th — Early 2000th). Moscow: Social Forecasting Center. (In Russ.)

Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62—69. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030066>.

Mayorova-Shcheglova S. N., Kolosova E. A. (2018) Children and Childhood as Objects of Sociological Research. *Sociological Studies*. No. 3. P. 62—69. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030066>. (In Russ.)

Митрофанова С. Ю. Дети как объект социогуманитарного исследования: социологический ракурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 2. С. 160—168. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.202>.

Mitrofanova S. Yu. (2017) Children as an Object of Sociohumanitarian Research: A Sociological Perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 10. No. 2. P. 160—168. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.202>. (In Russ.)

Никитина-ден Бестен О. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. Т. 4. № 5. С. 7—24.

Nikitina-den Besten O. (2009) What's New in the New Social Studies of Childhood? *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 4. No. 5. P. 7—24. (In Russ.)

Одинокова В. А. Этика социальных исследований с участием детей // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Издательство Российского общества социологов, 2018. С. 433—436.

Odinokova V. A. (2018) The Ethics of Research with Children. In: Mayorova-Shcheglova S. N. (ed.) *Childhood of the XXI Century: Socio-Humanitarian Thesaurus*. Moscow: Publishing House of the Russian Society of Sociologists. P. 433—436. (In Russ.)

Профориентационная работа в школе / под ред. А. Е. Голомштока. Калуга: Приокское книжное издательство, 1968.

Golomshtok A. E. (ed.) (1968) Career Guidance at School. Kaluga: Priokskoe Publishing House. (In Russ.)

Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: в 2 ч. Ч. 1. Система работы психолога с детьми разного возраста. М.: Юрайт, 2019.

Rogov E. I. (2019) Handbook of a Practical Psychologist in 2 Parts. Part 1. The System of Psychological Work with Children of Different Ages. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Форум: в поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 9—106. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106>.

Forum: Children as Subjects. (2019) *Forum for Anthropology and Culture*. No. 42. P. 9—106. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106>. (In Russ.)

Шамрова Д. Обзор международного опыта по применению оценки с участием детей. М.: Фонд Тимченко, 2016.

Shamrova D. (2016) Participatory Evaluation with Children: Overview of International Experience. Moscow: Timchenko Foundation. (In Russ.)

Шубкин В. Н., Чередниченко Г. А. Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшеклассников. Типовая методика проведения социологического исследования ценностных ориентаций старшеклассников в области профориентации. М.: Центр социологии образования Российской академии образования, 1994.

Shubkin V. N. Cherednichenko G. A. (1994) Value Orientations in a Structure of Professional Self-Determination of High School Students. Standard Methodology for Conducting a Sociological Study of Value Orientations of High School Students for Career Guidance. Moscow: Centre for Sociology of Education of the Russian Academy of Education. (In Russ.)

Alanen L. (1988) Rethinking Childhood. *Acta Sociologica*. Vol. 31. No. 1. P. 53—67. <https://doi.org/10.1177/000169938803100105>.

Belmont Report: Ethical Principles and Guidelines for the Protection of Human Subjects of Research. DHEW Publication No. (OS) 78—0012. (1978) Washington, DC: U. S. Department of Health, Education, and Welfare.

Ben-Arieh A. (2005) Where Are the Children? Children's Role in Measuring and Monitoring Their Well-Being. *Social Indicators Research*. Vol. 74. No. 3. P. 573—596. <https://doi.org/10.1007/s11205-004-4645-6>.

Ben-Arieh A. (2006) Measuring and Monitoring the Well-Being of Young Children Around the World. Paris: UNESCO.

Davis K. (1940) The Child and Social Structure. *The Journal of Educational Sociology*. Vol. 14. No. 4. P. 217—229. <https://doi.org/10.2307/2262160>.

ESOMAR Guideline for Online Research. (2011) Amsterdam: ESOMAR. URL: <https://ana.esomar.org/documents/esomar-guideline-for-online-research-> (accessed: 19.02.2023).

ESOMAR/GRBN Guideline on Research and Data Analytics with Children, Young People, and Other Vulnerable Individuals. (2018) Amsterdam: ESOMAR. URL: https://www.jmra-net.or.jp/Portals/0/rule/guideline/20180912_ESOMAR-GRBN_Guideline-Children-Young%20People-Other%20Vulnerable%20Individuals_201809.pdf (accessed: 19.02.2023).

Hanafin S., Brooks A.-M. (2005) Report on the Development of the National Set of Child Well-Being Indicators in Ireland. Dublin: The National Children's Office.

Involving Children and Young People in Research: A Compendium of Papers and Reflections from a Think Tank co-hosted by the Australian Research Alliance for Children and Youth and the NSW Commission for Children and Young People on 11 November 2008. (2008) Surry Hills, NSW: NSW Commission for Children and Young People; Woden, ACT: ARACY.

James A., Prout A. (1997) Introduction. In: James A., Prout A. (eds.) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. London: Falmer Press. P. 1—6.

Laws S., Mann G. (2004) So You Want to Involve Children in Research? A Toolkit Supporting Children's Meaningful and Ethical Participation in Research Relating to Violence Against Children. Stockholm: Save the Children.

Listen and Learn: Participatory Assessment with Children and Adolescents. (2012) Geneva: UNHCR.

Noble-Carr D. (2006) Engaging Children in Research on Sensitive Issues. Dickson, ACT: Institute of Child Protection Studies at the Australian Catholic University.

Ovortrup J. (1995) Childhood in Europe: A New Field of Social Research. In: Chisholm L., Büchner P., Krüger H.-H., du Bois-Reymond M. (ed.) *Growing Up in Europe: Contemporary Horizons on Childhood and Youth Studies*. Berlin: De Gruyter. P. 7—20. <https://doi.org/10.1515/9783110879094-002>.

Participatory Monitoring and Evaluation: Methodologies for Working with Children and Young People. (2012) Innsbruck: SOS Children's Villages International.

Powell M. A., Taylor N., Fitzgerald R., Graham A., Anderson D. (2013) Ethical Research Involving Children. Florence: UNICEF Office of Research — Innocenti.

Rees G., Goswami H., Bradshaw J. (2010) Developing an Index of Children's Subjective Well-Being in England. London: The Children's Society.

Schenk K., Williamson J. (2005) Ethical Approaches to Gathering Information from Children and Adolescents in International Settings: Guidelines and Resources. Washington, DC: Population Council.

Statham J., Chase E. (2010) Childhood Wellbeing: A Brief Overview. Loughborough: Childhood Wellbeing Research Centre.

Thorne B. (2002) Editorial: From Silence to Voice: Bringing Children More Fully into Knowledge. *Childhood*. Vol. 9. No. 3. P. 251—254. <https://doi.org/10.1177/0907568202009003604>.

Uprichard E. (2008) Children as 'Being and Becomings': Children, Childhood and Temporality. *Children and Society*. Vol. 22. No. 4. P. 303—313. <https://doi.org/10.1111/j.1099-0860.2007.00110.x>.